

c.1.

ФЕЛЬЕТОНЪ.
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

Иванов Иван А. П. Чехов.

Но мыслями одного писателя, главно-го трагедия человеческой судьбы складывается из материальных вещей. Как для него само со собою мыслится и во чувствительности, и в душе мой этой, «ли разбавляющей» добавляется к ней до переизбыточности. Многие изобрания мои она ставит на верку некоего благополучия, и огромные большинство недовольств и пренебрежений; одних возмещает до избытка, других доводит до истощения человеческого облика, до упадка, иногда до преступлений. Справедливо опять мыслится и объясняется: из общества истерия состоит случайных и вынужденных правонарушений, ответственность на которых должна падать на человеческое общество обобщающе. „Среды жизни“—это стало нашей формой, но от частых и пошлых обращений к ним сама история трепещет; форма пошлая, а поэтика из нее извлекает глубочайший аспект. Обобщающее впечатление—это опять так же не исключается переживаниями, потому что—даже из обобщения, эти самые обобщающие, и из суда переживания? Вот сейчас-бы мы могли еще добавить всю историю падений человеческой личности, слабости мы обладали проматывающими очами художника и писателя, то, конечно, там-бы и переживаниями „гиперический миг“. Голый факт истории материала дает для суда; нужны еще книги, говоря о нем, а именно, его переживания. А что такое всегда злодеяния, даже во истинных картинах неопределенных возможностей, рисуются обобщениями злодеяний человеческих до суда? Когда тут переживания, того переживания?

Когда вы слышите: „среда ледяная“ или „обстановочка такая сложная“, вы чувствуете не необходимость бороться, „среда ледяная“ и „обстановочка такая“ губят только „интересности“. Подумайте, какие вы вы — большие характеры! Конечно, инстинкты заставляют себя бороться из плоти. Биллсней отличает австралийская жила от черной; Герцог встал с огромной силой и из нищеты, Добролюбов встал из нищеты указав вопроса свой родичей. Все это — большие характеры, но, из них делают, средние люди, о которых мы говорим, не Любопытным,

не Блаженіе, не Герцены. Наконецъ, дополнивъ своего оригинальнаго воображенія, чтобы допустить и для сильныхъ характеровъ такое стеченіе глобальныхъ обстоятельствъ, которые ихъ притягивъ и влечутъ. Абсолютнаго и неизменнаго свѣта не существуетъ.

Валерій раз, когда заходитъ рѣчь о несправедливомъ судѣ, объ одностороннемъ осужденіи совершеннаго факта, намъ вспоминается отношеніе театральнаго зала къ развѣргнувшейся на сценѣ драмѣ и отношеніе читателей къ правдѣ, показанной въ художественномъ произведеніи. Въ этомъ случаѣ мы становимся совсѣмъ другими. Елибѣ трагедія между Отелло и Дездемоной развилась въ дѣйствительную жизнь и на нашихъ глазахъ, мы бы сказали: какой возможный зверствъ этотъ Отелло! А анда ту-же трагедію на сценѣ, мы страшно погодимъ на умасливую комбинацію обитательствъ и испареній жалкихъ несчастнаго мира. Елибѣ Анна Каренина и Вронскій устроили своей рокией въ жизни, мы забросали бы ихъ грязью, вилеталии, презрѣніемъ, особенно голому Каренину. Но, читая романъ Толстого, арешивающаго уваженіемъ и сочувствіемъ къ этой молодой, плачущей женщинѣ, своеобразной любви "безъ думъ, безъ размысливаній". Отчего это такъ? Почему такая разница въ отношеніи къ одному и тому же случаю? Да просто потому, что въ жизни мы больше всего чувствуемъ, а въ театрѣ и литературѣ отрываемъ намъ глаза. Въ жизни мы наиболѣе внимательны и внимательны къ чужому горю, а театрѣ и литературѣ дѣлаютъ насъ невнимательными и поназываютъ вниманіе возмужаніемъ вещей. Здѣсь мы лишаемъ логику событій, психологию дѣйствующей личности, вводящую фактъ въ ея существенныхъ монетахъ.

Вз одиниць ать разказовъ Успенскаго архиепископоу показани подвизающа елика мѣлочея: она губить въ насъ дѣтшія чувства, дѣлаетъ аскетичными, грубыми, жестокими; она сосредоточиваетъ на себѣ все наше званіе и становится мензачетѣльнѣмъ интересовъ, аргументаціи участія во всемъ остальному; она дѣлаетъ то, что женщины людина немогутъ бывать, а въ акадѣміи Успенскій, помалѣти о смерти себѣ. Другой большой писатель, Щедринъ, воспринимаетъ поранителью арию варягину востановаго дукованаго общающа мѣлочея суругъ Чернышнихъ; а все дѣло, — вѣравае Щедринъ, — въ „мѣлочея живи“, асущающаго теплѣе сердце. Чер-

этим любил друг друга; они были здоровы, сильны, охотнее принимались за сознательную работу, но... отшельниками следовало быть, что любовь пропала, сила не была, жизнь разбита. Из художественного произведения это очевидно, а когда то же случается в жизни, мы говорим: безхарактерные люди, и больше ничего! Намъ правый и милостивый судъ осуществлять только для насъ, а не для людей. Мы еще не научились следовать принципу, который почерпнули изъ религии; мы культуры и воспитания только в теориях, на словахъ, а не на дѣлѣ. Начала Руси было въ 862 году, а начала культурной Руси, а такъ понимаю, еще не было*, — такъ говоритъ докторъ Билетовъ у Чехова. Это, можетъ быть, слишкомъ сильно сказано: но не всѣмъ случай несомненно, что наша культура болѣею частью сводится въ галлѣ, а не въ сордѣ.

Иллюстраций "мелочей из жизни", гл-бильных сладостей этой гл-бильной сущности в немомогу визуального отп-щения из ближнего можно бы привести множество, но нам пора перейти из повести А. П. Чехова, которая возбудила эти мысли. Нам важно отметить, что новое представление талантливомо писателем должно выст-щать перед читателем массу подоб-ных вопросов.

Останъ повѣсти таковъ.

Молодой человек Полонезов, живя в провинциальном городе, пренебрегал служить в различных учреждениях, но неудачно: не умел принять душой, постоянно сталкивался с начальством и разумеется, должен был бросить службу. Оглед его, воспитанный в правилах премий строгости, постоянно ворчал на него за это, ругал и даже раз «добыл зонтиком». Молодой Полонезов стеснялся, не поступал по своему, — не по разумению образованной головы, а по влечению воспитанного сердца. Оказ пошел в чернорабочие, из маляров и стал физическим трудом зарабатывать кусок хлеба. Конечно, аукало влечь было очень чертовой, жизнь шла несправедливо и в холоды, но не душно. Молодому стало лучше. Как втеснилось вистаго общино? Разумеется, отшатнулось от него, потому что—незданье с маляром поспешно водить и даже за руку здороваться. Одни считали его паломником, другие—пропавшим человеком, а третьи при встрече прямо звали: «стад твоего жалко, а не тебя, пераваца». Все пришло к терпению. Но

такъ какъ общество живетъ въ ощуще-
ств не по разумнѣю своему, а по ру-
ководству и вѣрнѣю, то очень понятно, что
его энергѣю во всякомъ направленѣи ха-
рактъ не измѣнитъ. Единственное движе-
нѣе противъ Молодцова скоро превра-
тилось, его оставили въ покоѣ, и не-
прѣлномъ превращенѣи въ мазары при-
вычки. Молодой человекъ удержался на
своемъ и свѣла-было себѣ теплее гдѣ-
то, да... обстоятельствъ такъ сложились,
что онъ одинъ остался въ этомъ гнѣдѣ:
любимая и любимая супруга Марья
Викторовна иполнѣ дружески жалали отъ
него въ Америку. Она, дочь нежевера,
привыкла не сѣать, да жать, а только
изъ жатницъ выбрасывать. Она любила
музыку, сама—пѣать, любить путеше-
ствовать, бѣлнать, наслаждаться, и спа-
сало ей не прѣней ибѣе за то, что она
искренне считаетъ себѣ неисправимой
грѣшницей.

Дальше... Впрочем, дальше ничего особенного не случилось, а обь конца пусть скажет сам Подозпевт: "Если бы у меня была охота заказать себе кольцо, то я выбрал бы такую надпись: "Ничего не пройдёт". Я вёрю, что ничто не пройдёт беззачинно и что каждый нашёл шаг имеет значение для настоящей и будущей жизни. Я постарюсь стать моральнее, строже, реже емьсь".

«Ничто не происходит» — это один девиз, а есть еще другой, которыми руководится супруга Полознева, журналистка теперь заграницей; этот девиз, напротив, гласит, что «все происходит». То и другое верно: «ничто не происходит», потому что каждому мало что случается в жизни своей отчасти; «все происходит», потому что и самая жизнь происходит. Как сказано у Драннора, —

Раздаются и гибнутъ попопъе
Въ великомъ цѣломъ, мигъ пожать не
свѣтъ;

Гиганты, карлы, старцы или дѣти —
Мы — худыя силой лишь цѣли вѣнныя.

Совершенно правильно. Но только вст
рожденные обязаны собственной природ
дой прожить этот „миг“, равновесие
писькомных десятилетиях; прожить ж
надо так, чтоб иногда не пришло
кается, чтоб совете умиралось
ла счастлив. А для такого благополучн
го окончания бремена скачка за нас
десятью, направляется лишь оди
дением „все проходит“, пожалуй, уж
никуда не годится...

Повѣсть г. Чехова (она называется „Моя жизнь“) есть прекрасная вещь. На этой очень простой манѣрѣ расшита цѣль-

ида и полнота глубокого смысла картины; недостает только надписи: „трагедия обыкновенной жизни“. Здесь нить эпистолетову, ни шага, а только зонтиками дерутся да „водой обливают, когда идешь мимо торговых рядов“; здесь нить ни утешить, ни самоутешить; ни практик культурных умаслов. Но зато аса повить о резнившейся жизни неза- мкнутого человека есть спасной у- мась. Все тут мелко, неважно, но из мелочей состоит вся наша и- стое того хуже, мелочны направления вся наша жизнь. В результате—высто- гордо сознающей себя личности получает- ся что-то передосаанное, аскалтичен- сь выбранное за борть разумной, живу- щей, полезной жизни. Так и кажется, что испытавший всё мелее уабыи и толч- ки судьбы. Молодежь амить взглядом блуждающий, растерянный, то безнадее- утмеленный в безпредельное будущее человечества: нуужли так будет? потом, когда-нибудь?.. Как хотите, это—трагедия. Умасно, конечно, когда в- спенъ или въ жизни стрляють и р- жуть, но еще умаснее—когда истязают, мучают, вытуют. А щедривый развиз- о том, как двое влюбленных, вгля- стие мелочей жизни, разладающих а- человекъ все божеское, дошли до того, что стали отравлять друг друга сущ- ствованіе, или повить г. Чехова о том, как т же мелочи, точно по чему- дауенію, придавали в молодом, честном и светломомъ человекъ личности,—так повѣствованіе, повторяю, стоить люб- общепризнанной трагедии.

Елисей была возможность говорить о
Моей жизни" г. Чехова хоть сколько-
нибудь подробно, то мы не знали-бы, с
чего начать и на чем подольше остано-
виться. В ней выдвигуте столько раз-
личных вопросов, она поднимает в
читателей столь разнообразны настроения
и вызывает столь разнородны мысли,
что, кажется, все разууждал бы и спе-
рился, спорил-бы и разууждал, без
конца. Давно подобной ащии не помни-
лось в нашей латоратурѣ. Сколько мнѣ
лѣтъ брешено мимоходом! Сколько зна-
нія жизни и наблюдательности! Какая
простота и ясность въ изложеніи! Мы
нибемъ дѣло съ огромнымъ талантомъ,
увлекающимъ своей слова, глубиной
мысли, широтой кругозора. Онъ хочетъ
захватить жизнь въ ея наиболѣе важныхъ
моментахъ и дѣлаетъ это съ ма-
стерствомъ рѣдкого художника.

На всіх можливостях подробно розби-

рать перейти к г. Чехову, мы все-таки должны остановиться на одних ее мыслях. По правде сказать, жить хочется найти из ней самой некоторое утешение из этих безотрадных впечатлений, из которых она оставляет читателя. Хотя жизнь полна мелочей, покрывающих все высокое и благородное какими-то несмываемыми пятнами, но дело все таки не так безнадежно, как может показаться. Мы совершенно признаем сентенцию богобоязненного подражателя Радина (первый из той же поэмы), что «там есть трава, ржа — желто, а жма — душо». Безусловно согласны, что наша жизнь из той же ржи, как мы ее видим, полна жги и пропитана от начала до конца фальшью, замещающей всерьезный порыв и насущную правду. Но это-то и объясняет, из-за того, чтобы начать жить с близкого. Статуя Педрасена, Марья Виктерона, правя, когда встывает такое замечание: «око несомненно: наде устранивать жизнь вылив-буду по любому, а та жгич, какла была до сих пор, ничего не стоит». А как же, по любому? Марья Виктерона не знает. Педрасенз ничего не отпачивает, но доктору Благому, кажется, не сшибается, говоря: «Учитель жить нужно, учитель и учиться, а сь глубокими обществеными темамиа погоним: жм еще не доросли до них и, по софисти, ничего из них не понимаем». Вот и все. Жма отбавляет души, молотит из насекз губить жизнь, но переначить все на новый лад все-таки возможно. Какими образом? На это можно отбавить словеса другого жгичного поэта:

Волн дасть воображенью
И порывахт преданных дум,
Всей вселенной ты утешенью
Навстречамся ты свой ум.
Вонюх в суетах адажиэ
Паука по ниткам шревыт,
Но знаешь-ли ты вражде
Подлежт собственнымъ своимъ

Этот тот-же светит, который дает и доктору Благоеву. Наше учение и чтение умных книг оседлаю до сих пор из голов, а сердце становится из стого-ри почти таинств же грубых, восматчи-ных, „татарских“. Нако не только образовывался, но и воспитывался. На-до глубже асеприять принципы добра, правды и любви—так, чтобы они пре-стали быть пассивно и уравнили нами. Это будет, если угодно, „восматчи-вал“ нравственная чистота, но идти так и нужно. Выше этого пошла воспитанная.

Н. Сарахановъ.